

8. *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философской и общественной мысли / С. А. Левицкий. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1983. – Т. 1. – С. 8.
9. «На чем мир, земля, человек стоит...» : беседа с М. Аникушиным // Слово. – 1993. – № 78. – С. 34.
10. *Поспеловский Д.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д. Поспеловский : учеб. пос. – М. : Библиейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 1996. – С. 68.
11. *Савчук В.* Инакомыслие или конформизм: нравственный выбор интеллигенции в России / В. Савчук // Логос. – 2005. – № 51. – С. 234.
12. Федорова Л. В. Г.Г. Шпет как историк русской философии : дис. ... канд. филос. наук. – М. : АОН при ЦК КПСС, 1991.
13. *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. – М. : Наука, 1990. – С.405.
14. *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Сочинения. – М. : Правда, 1989. – 601 с.

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РОССИЯН ОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ Р. МЕРТОНА

О.А. Феоктистова
(Россия, Рязань)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к изучению поведенческих моделей российских избирателей. На примере модели американского социолога Р. Мертонна показано, что как активность, так и пассивность избирателей следует рассматривать как различные варианты адаптационных стратегий. В статье подчеркивается, что акцентирование рядом исследователей «национальных особенностей» российского электората игнорирует общие закономерности, характерные для стран с иерархической социальной структурой общества. По мнению автора, социальную структуру общества и культурные нормы следует рассматривать в едином контексте.

Annotation. The article touches upon certain approaches to the study of behavioral patterns of the Russian electorate. On the example of the model of the American sociologist R.K. Merton it has been demonstrated that both activity and passivity of the electorate should be looked upon as various types of adaptation strategies. The article underlines that some authors put too much emphasis on the so-called national peculiarities of Russian electorate, thereby ignoring general principles that are typical for the countries with hierarchical social structure. In the author's opinion, social structure and cultural norms should be considered in the integrated context.

Ключевые слова: социальная структура, адаптационные стратегии, культурные цели, авторитарно-бюрократическое государство.

Key words: social structure, adaptation strategies, cultural goals, authoritarian and bureaucratic state.

Политическая пассивность и апатия россиян, наступившая после «бурных 90-х», являются предметом анализа многих исследователей. Среди публикаций на эту тему особо выделяются работы, посвященные «национальным особенностям» российского электората. Общим для этих исследований является тезис о том, что политическое поведение россиян связано с многовековой привычкой к «крепостному рабству», приверженности «твердой руке» и «сильному государству». Например, известный исследователь Э. Баталов полагает, что «для традиционной российской политической культуры характерна ярко выраженная этагистская ориентация; государство воспринимается как нечто гораздо большее, нежели "ночной сторож" (идеал либералов), то есть чисто политический институт с ограниченными функциями и задачами. В России государство воспринимается как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической» [1, с. 17].

Культурологической версии придерживается и социолог Т. Заславская: «Такие качества, как отсутствие гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, парадоксально сочетающиеся с неуважением к закону и чужой собственности, сформировались у россиян, в первую очередь, под влиянием многовекового рабства» [2, с. 60].

Ю. Пивоваров выводит традиционалистские воззрения россиян из религиозных представлений: «Это – неоплатонизм в русско-православном изводе. Это унаследованное от Византии представление об универсалистском иерархизированном порядке, в рамках которого индивид включен в коллективные структуры; сами же структуры являются частью Божественного Космического порядка... В секулярном, измененном виде по сути все это сохранилось» [5, с. 188].

Однако такой подход не объясняет, почему в конце 1980-х гг. и на протяжении 1990-х гг. в России были столь сильны протестные настроения. Эти настроения во второй половине 1980-х гг. привели к трансформации, а затем и слому советской системы. Десятилетие спустя КПРФ и ее лидер Г. Зюганов имели все шансы придти к власти, если бы не использование властями «административного ресурса».

При всей значимости культурных факторов не следует рассматривать их в отрыве от социально-экономической реальности. Главным «достижением» двадцатилетия «реформ» является сохранение пирамидальной структуры российского общества. После слома социалистического общественного уклада, для которого была характерна жесткая иерархически-сословная структура общества, наступил период социальной перестройки. Однако ставка на олигархический «капитализм для своих» не привела к созданию массового «среднего класса». Так и не сформировалась независимая судебная система, без которой право собственности остается весьма условным. Экономический рост начала XXI в. несколько улучшил благосостояние россиян. Но в этот же период имущественное расслоение достигло, только по официальным данным, 14-тикратного размера, а фактически намного превысило этот показатель. В составе «среднего класса» чиновники потеснили предпринимателей. Благосостояние зависит от близости к государству в гораздо большей степени, чем от предприимчивости. Российская экономика, несмотря на наличие рыночных механизмов, сохранила в целом распределительный характер.

На уровне социума эта политика привела к формированию социальной «пирамиды», в основании которой находится малообеспеченное большинство, а верхушку составляет привилегированное меньшинство. В обществах с такой социальной структурой происходят сходные социальные и политические процессы. Анализируя российскую политическую реальность 1990-х гг., политолог Л. Шевцова, в частности, ссылалась на описание латиноамериканских режимов Г. О'Доннелом: «Основной социальной и политической базой является высший слой "олигархической" буржуазии, ее основная цель – восстановление "порядка" через политическую "деактивацию" населения и "нормализацию" экономики. Помимо этого бюрократически-авторитарное государство стремится исключить из политики те группы населения, которые при прежних демократических подъемах играли активную роль» [6, с. 508].

При этом Л. Шевцова отмечала: «Различие, пожалуй, в том, что бизнес-элита в России не так сильна и, очевидно, уже не будет настолько сильна, чтобы подчинить бюрократию, а тем более лидера и "силовые" структуры» [6, с. 508].

Однако трансформация режима, произошедшая в начале XXI в., привела к тому, что современная Россия стала напоминать описанную О'Доннелом латиноамериканскую модель. Это произошло благодаря сращиванию крупного бизнеса и бюрократии в единую корпорацию, контролирующую власть в стране. При всех недостатках методов сравнительной политологии данный подход позволяет вычленить основные характеристики режимов в различных странах. В этом смысле современная Россия сравнима с рядом стран Латинской Америки и Северной Африки.

Различные модели политического поведения, которые демонстрировали россияне с момента распада СССР, следует рассматривать как адаптационные стратегии избирателей, менявшиеся в зависимости от ситуации. Данный вопрос приобретает неожиданную трактовку в свете теории американского социолога Р. Мертона.

Исследуя влияние социальной и культурной структур на различные формы девиантного поведения, Р. Мертон выделил два значимых элемента этих структур. «Первый – это определенные культурой цели, намерения и интересы, выступающие как требуемые законные цели для всех членов общества либо некоторых его членов, так или иначе в нем размещенных. Эти цели более или менее связаны друг с другом (степень этой связи – вопрос эмпирический) и складываются в более или менее строгую иерархию ценностей. Приобретая эмоциональную поддержку и значимость, господствующие цели устанавливают определенные рамки, в которые должны укладываться человеческие устремления. Это вещи, "за которые стоит бороться"» [3, с. 245].

Второй элемент культурной структуры «определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей. Каждая социальная группа неизменно связывает свои культурные цели с укорененными в ее нравах и институтах нормами, регулирующими допустимые процедуры продвижения к этим целям» [3, с. 245].

Нормы могут не совпадать с соображениями эффективности достижения целей. Например, воровство более эффективный способ обогащения, чем каждодневный честный труд. Однако Р. Мертон считал критерием приемлемости не техническую эффективность, а ценностно окрашенные чувства. Институционализированные нормы служат ограничителем средств достижения культурных целей.

Р. Мертон выделил пять типов приспособления индивида в обществе. Формы приспособления представляют собой определенные позиции, занимаемые индивидом в социальной структуре общества (см. табл.).

Таблица

Типология форм индивидуального приспособления [3, с. 255]

Формы приспособления	Культурные цели	Институционализированные средства
I. Конформность	+	+
II. Инновация	+	-
III. Ритуализм	-	+
IV. Бегство	-	-
V. Мятёж	±	±

* «+» означает «принятие», «-» – «отвержение», «±» – «отвержение господствующих ценностей и замену их новыми».

Социальная структура оказывает на индивида давление, побуждающее его принять ту или иную форму защиты от внешнего воздействия.

Конформистская модель характерна для стабильных обществ. Чем стабильней социальная структура, тем распространеннее эта модель поведения. Р. Мертон считал конформизм нормой, а остальные формы приспособления к социальной действительности рассматривал в качестве девиантных.

Инновационная реакция возникает в случае, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели, но игнорирует институционализированные ограничители ее достижения. Для «инноваторов» характерно сильное акцентирование цели успеха и применение для его достижения эффективных, но часто институционально запрещенных средств. Проще говоря, это люди, которые считают, что цель оправдывает средства. Они разделяют цели, которые культивирует общество, но нарушают общепринятые правила их достижения.

Ритуалистический тип приспособления связан с отвержением или занижением завышенных культурных целей до того уровня, на котором их можно удовлетворить. Индивид строго соблюдает институциональные нормы, предписанные обществом. «Этот тип приспособления будет довольно часто происходить в обществе, где социальный статус человека во многом зависит от его достижений. . . Непрерывная конкурентная борьба порождает у людей острую тревогу за свой статус. Один из способов смягчения этой тревоги – постоянное снижение человеком уровня своих притязаний. Страх порождает бездействие или, точнее говоря, рутинизированное действие» [3, с. 268].

Это своего рода антипод «инноватора». Такой тип людей крайне щепетилен в выборе средств достижения целей, но неэффективен в конкурентной борьбе. Поэтому вынужден занижать свои притязания, чтобы чувствовать себя психологически комфортно.

Людей, избравших стратегию бегства, Мертон считал фиктивными членами общества. К ним он относил бездомных, хронических алкоголиков, наркоманов, бродяг и т.д. «Беглецы» отвергают и цели, и средства общества, таким образом «выключаясь» из него. В русской литературе этот типаж отражен в целой галерее «лишних людей». В политической практике СССР такими «беглецами», или «внутренними иммигрантами», были диссиденты. Р. Мертон считал, что такая форма поведения «рождается из постоянных неудач в стремлении приблизиться к цели законными средствами и из способности прибегнуть к незаконным способам в силу интернализованных запретов; этот процесс происходит, пока высшая ценность цели-успеха еще не отвергнута. Конфликт разрешается устранением *обоих* досаждающих элементов: и цели, и средств» [3, с. 273].

Реакция мятежа возникает в ситуации, когда институциональная система воспринимается как препятствие для удовлетворения узаконенных целей. Чтобы выйти за пределы существующей социальной структуры, люди «ломают» ее и пытаются построить новую.

В период реформ 1990-х гг. доминирующими стратегиями адаптации были именно девиантные формы поведения. Реакция мятежа проявлялась в росте протестного электората, реакция бегства – в голосовании «против всех», ритуализм – в голосовании за КПРФ. Россияне сопротивлялись «реформам», ухудшавшим их материальное положение. Социальной базой такого поведения была ускоренная «феодализация» постсоветского общества, что воспринималось большинством как несправедливость и нарушение социального контракта. Социолог В. Шляпентох видит причину этого явления в том, как осуществлялись «либеральные» реформы в России: «Вся социальная структура современного общества сформировалась в процессе приватизации 1990-х гг., которая была пронизана личными отношениями, в том числе родственными. Как оказалось, эти отношения были очень похожи на существовавшие в начале Средневековья (и даже еще раньше, в племенных обществах)» [7, с. 257]. «Либеральные реформаторы» способствовали переходу российского общества на более низкую стадию развития, что нашло свое отражение в массовом запросе на «возврат» в СССР. Понятие нормы оказалось в прошлом. Отклоняющиеся формы поведения российских избирателей в 1990-е гг. следует рассматривать как реакцию на неудовлетворенный запрос возврата к утраченной социальной справедливости.

В период президентства Путина ситуация в экономике стабилизировалась. Этот процесс сопровождался имитацией «возврата» к советскому прошлому на уровне образов и символов. На фоне улучшения жизненного уровня такая тактика дала временный эффект. Рейтинг «партии конформистов» «Единой России» стал расти. Однако результаты ЕР на выборах с перевесом 50 % это следует трактовать не как успех партии, а как свидетельство снижения социальной мобильности. Со второго президентского срока Путина система вошла в фазу стагнации. Правящий класс монополизировал как политическое, так и экономическое пространство, «социальные лифты» перестали работать. В этих условиях ряды ЕР стали пополняться за счет «ритуалистов», т.е. людей, которые готовы были удовлетвориться малым и соблюдать принятые правила игры. Это привело к значительному росту рейтинга ЕР и ошибочному представлению лидеров партии об успешности их деятельности.

Экономический кризис разрушил установившуюся систему балансов в обществе и в политической элите. Девиантные формы приспособления к меняющейся реальности снова становятся преобладающими. Но меняются формы. Так, выборы в Мосгордуму в 2009 г. характеризовались крайне низкой явкой. Это означает, что избиратели использовали стратегию «бегства». Согласно опросу, проведенному Левада-центром, подавляющее большинство (52 %) опрошенных просто не ходили голосовать, в основном потому, что не смогли успеть на выборы по тем или иным причинам (19 %), либо потому, что не разбираются в политике (13 %) или не доверяют никому из нынешних политиков и партий (13 %). Только 5 % опрошенных уверены, что выборы

«заставляют власть делать то, что хотят избиратели», 87 % так или иначе сомневаются в целесообразности этого или категорически не согласны [4].

Однако стратегия «бегства» не приносит никаких особых дивидендов. Она больше характерна для маргинальных членов общества. Для большинства же, стремящегося к «нормальной жизни», стратегия «бегства» является лишь промежуточным этапом к более активным формам девиантного поведения.

«Инноваторов» в любом обществе немного. Это прослойка предприимчивых и энергичных людей, реализующих себя «на передовой» общественных процессов. Поэтому для основной массы населения остается два пути: ритуализм, т.е. «затягивание поясов», снижение планки притязаний, и мятеж, т.е. слом нынешней системы распределения благ. Какая из этих форм протеста окажется доминирующей, во многом зависит от экономической ситуации в стране. Экономический кризис лишает сословную структуру общества оснований легитимности, запускает процессы социального брожения и вынуждает малообеспеченное большинство к более активным действиям в борьбе за выживание. Наглядным примером являются события, происходящие на Ближнем Востоке. Ситуация в России также приближается к критической черте, поскольку для уменьшения социального расслоения и повышения социальной мобильности ничего не предпринимается. Ответом на это может стать реакция «мятежа».

Библиографический список

1. *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture. Pro et Contra. – М., 2002. – С. 17.
2. *Заславская Т. И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М., 2004. – С. 60.
3. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М., 2006. – С. 245.
4. *Насыров Е.* Москвичи не доверяют ни власти, ни ее партии. 02.12.2009. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-moskvichi-ne-doverayut-ni-vlasti-ni-ee-partii-/274948.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. *Пивоваров Ю. С.* Русская политическая традиция и современность / Ю. С. Пивоваров. – М., 2006. – С. 188.
6. *Шевцова Л. Ф.* Режим Бориса Ельцина / Л. Ф. Шевцова. – М., 1999. – С. 508.
7. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество / В. Шляпентох. – М., 2008. – С. 257.

В.С. СОЛОВЬЕВ – ПРОВОЗВЕЩНИК ПЛАТОНА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.Я. Подвойский
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье в рамках идей Платона рассмотрены магистерская и докторская диссертации В.С. Соловьева, а также его работа «Философия цельного знания».

Annotation. In the article V.S. Soloviov's master and doctoral theses and his work devoted to the philosophy of total knowledge are observed from the point of view of perception and use of Plato's ideas.

Ключевые слова: Платон, В.С. Соловьев, философия, русская философия, идея, идеализм.

Key words: Plato, V.S. Soloviov, philosophy, Russian philosophy, idea, idealism.

В числе довольно многочисленных последователей и исследователей философии Платона в русской философской культуре Владимиру Сергеевичу Соловьеву по праву принадлежит первое место, учитывая объем и глубину его анализа платонизма.